

преступлений (снижение на 1,2 %), в г. Кисловодск – 1 260 преступлений (снижение на 1,1 %).

В 2018 году количество уголовных дел «без лиц» увеличилось по сравнению с 2017 годом в городах-курортах Пятигорск (+10,4 %) и Железноводск (+4,8 %), а также в Ставропольском крае в целом (+4,6 %), при этом снизилось в городах-курортах Кисловодск (-4,1 %) и Ессентуки (-8,1 %). Данный показатель почти повсеместно обратно пропорционален показателю раскрываемости преступлений в 2018 году (исключение составил город-курорт Ессентуки, где количество дел «без лиц» (-8,1 %) и процент раскрытых преступлений (-2,0 %) уменьшились одновременно).

Подводя итог вышеизложенному, представляется обоснованным подчеркнуть, что деятельность органов предварительного расследования в городах-курортах России имеет свою специфику, обусловленную комплексом объективных факторов, связанных с географическими, экономическими, геополитическими, социальными и культурными особенностями таких территорий.

Заливин Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,

Рыжаков Александр Петрович,
кандидат юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЗАЩИТНИКА, НЕ ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ АДВОКАТОМ, В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим ситуацию, когда обвиняемый желает, чтобы в качестве его защитника выступил преподаватель вуза, зарекомендовавший себя квалифицированным юристом в области уголовного процесса и (или) уголовного права. Преподаватель статусом адвоката не наделен. Поэтому у обвиняемого возникли проблемы с выбором именно этого защитника.

Возникают вопросы. Есть ли при действующем УПК РФ у обвиняемого возможность на стадии предварительного расследования воспользоваться помощью защитника, не являющегося адвокатом, когда, безусловно, последний в состоянии обеспечить ему квалифицированную юридическую помощь? Если такое право имеется, то обязан ли орган предварительного расследования его обеспечить? Постараемся ответить на поставленные вопросы.

Как верно отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 года № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова», право на получение квалифицированной юридической помощи частью 1 ст. 48 Конституции РФ гарантируется каждому в Российской Федерации. Федеральный законодатель, в силу этих положений Конституции РФ во взаимосвязи с ее нормами, определяющими полномочия по регулированию и защите прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 76 Конституции РФ), действуя в рамках своей компетенции, создает надлежащие условия для реализации конституционного права на получение юридической помощи, с тем, чтобы каждый в случае необходимости имел возможность обратиться за ней для отстаивания своих прав и законных интересов¹.

Одно из таких «условий» закреплено во втором предложении ч. 2 ст. 49 УПК РФ: «По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый». Отметим, что сегодня Верховный Суд РФ игнорирует предусмотренную данной нормой, а равно содержанием определений Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 года № 1098-О, от 27 октября 2015 года № 2319-О и др. возможность допуска в уголовный процесс на стадии предварительного расследования судом наряду с адвокатом – защитника, адвокатом не являющегося.

В частности, Пленум Верховного Суда РФ дважды в своих постановлениях разъяснял, что, по смыслу положений ч. 2 ст. 49 УПК РФ, защиту обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат².

Между тем один из авторов настоящей публикации отмечал, что такое разъяснение в определенной степени противоречит Конституции РФ³, согласно которой «заключение под стражу и содержание под стражей

---

¹ См.: По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 года № 28-П. *Далее для краткости Постановление № 28-П.*

² См.: О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. № 9; О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 2.

³ См.: Рыжаков А.П. Адвокат, защитник: новое в статусе. Комментарий к Федеральному закону от 17 апреля 2017 года № 73 ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ» / А.П. Рыжаков. – М.: Дело и Сервис, 2018. С. 36–38; и др.

допускаются только по судебному решению». То есть решение, об избрании в отношении обвиняемого в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадии предварительного расследования согласно ч. 2 ст. 22 Конституции РФ вправе принимать только суд. Именно перед судом, согласно ч. ч. 3 и 9 ст. 108 УПК РФ, возбуждается ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу.

В соответствии с правилами и формулировками ч. 11 ст. 108 УПК РФ постановление об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в апелляционном порядке. Здесь же отмечено, что «суд апелляционной инстанции» принимает решение по жалобе или представлению. Именно решение суда апелляционной инстанции об отмене постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит немедленному исполнению.

И во всех этих случаях суд не имеет право наряду с адвокатом допустить к участию в деле, к примеру, профессора права, специалиста в области уголовного процесса и (или) уголовного права? Полагаем, имеет.

К этому ведет логика изложения материала в Постановлении от 17 июля 2019 года № 28-П. Как верно замечает судебный орган конституционного контроля нашего государства, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы России являются международно-правовые акты. В п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривают, что каждый обвиняемый в совершении преступления вправе иметь достаточное время и возможность для подготовки своей защиты и общения с выбранным им самим защитником, защищать себя лично или через посредство выбранного им защитника, а если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и, когда интересы правосудия того требуют, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно при недостатке у него средств для оплаты этих услуг.

Провозглашенное в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления «пользоваться помощью защитника – во взаимосвязи с положениями международно-правовых актов и по смыслу правовых позиций, выработанных Конституционным Судом» РФ, «отмечавшим важность доверительных отношений подозреваемого, обвиняемого со своим защитником»¹, – «предполагает возможность выбора защитника.

---

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 года № 20-П // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6808; и др.

Это позволяет достичь эффективности, как получаемой юридической помощи, так и судебной защиты в целом, поскольку осуществление представительства в деле тем защитником¹, «которому подзащитный доверяет и с которым он может согласовать позицию в ходе производства по делу (стратегию стороны защиты), максимально способствует реализации законных интересов подозреваемого, обвиняемого» (абз. 2 и 3 п. 2 Постановления № 28-П).

Уже только поэтому следователь (дознаватель и др.), тем более, суд (судья) обязаны обеспечить, по меньшей мере, обвиняемому право выбрать защитника, который не подлежит отводу и не мешает быстрой, справедливой и эффективной судебной защите прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых). Если обвиняемый не имеет возможности пользоваться помощью выбранного им защитника, не являющегося адвокатом, только по формальному основанию – отсутствию у него защитника-адвоката, помочь ему в этом во исполнение вышеперечисленных требований Конституции РФ и международно-правовых актов, полагаем, обязан следователь (дознаватель и др.).

Он должен разъяснить обвиняемому указанное правовое положение, рекомендовать заключить соглашение с адвокатом. Когда же у обвиняемого нет возможности заключить такое соглашение, следователю (дознавателю и др.) следует принять меры к назначению ему защитника, наделенного статусом адвоката. Однако данное обстоятельство не лишает самого обвиняемого права пригласить для осуществления его защиты второго защитника. В том числе и не являющееся адвокатом лицо для того, чтобы он принял участие в уголовном процессе в качестве защитника.

Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника, определены ст. 72 УПК РФ. В Постановлении № 28-П обращается внимание и на другие сведения, которые позволяют не допустить до участия в деле защитника. «Основаниями для такого ограничения могут быть, в частности, отказ или неспособность подозреваемого, обвиняемого защищать себя лично, ненадлежащая защита его интересов, наличие поводов для отвода избранного защитника, его длительная неявка и иные обстоятельства».

В то же время Конституционный Суд РФ прямо указывал на то, что «любое ограничение желания обвиняемого защищать себя лично должно преследовать объективные и достаточно серьезные цели и не выходить за рамки необходимого для отстаивания интересов правосудия» (абз. 4 и 6 п. 3 Постановления № 28-П).

---

¹ В ч. 2 ст. 48 Конституции РФ упоминается не только об адвокате, но и, в скобках, о защитнике. Поэтому мы и заменили в искомом доводе Конституционного Суда РФ слово «адвокатом», на термин «защитником». Последний может и не быть адвокатом. Между тем на него также (а не только на защитника-адвоката) распространяются конституционно-правовые и международно-правовые требования.

Итак, следует вывод, что по постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Если при этом у обвиняемого нет защитника, являющегося адвокатом, таковой должен быть назначен. Причем «постановление о назначении защитника не влечет отстранения от участия в деле защитника, приглашенного подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого (обвиняемого).

Затолокин Александр Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и
административного права
Краснодарского университета МВД России

УСМОТРЕНИЕ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Вопрос соотношения различных отраслей права и взаимного перехода из одного вида процессуальной деятельности в другой является постоянно актуальным. Ученые административисты и специалисты в области уголовного права ведут непрекращающуюся полемику о разграничении административных и уголовных деликтов. Большинство имеющихся исследований, посвященных указанной проблеме, направлено на определение четкого «водораздела», когда при совершении того или иного деяния применять нормы конкретной отрасли права¹. Однако, несмотря на наличие большого количества публикаций, направленных на поиск так называемого «водораздела», единства в подходах нет. Кроме того, в правоприменительной практике существует проблема тактических особенностей процессуального перехода административного производства в уголовное.

Обращаясь к научной литературе следует отметить, что в своих работах авторы уже уделяли внимание разграничению хулиганства (ст. 213 УК РФ) от мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ)², выполнения

---

¹ Труфанов М.Е. Применение норм административного права: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.14. – Административное право; Финансовое право; Информационное право / М. Е. Труфанов; Науч. конс. С.А. Старостин. – М., 2007.

² Данилина Н.Ж. Отличия хулиганства от смежных составов // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2018. №7 (52). С. 80.